

Человечество и цивилизация на пороге нового тысячелетия

КОММУНИСТ 1989 № 15

«Круглый стол» журнала «Коммунист»

Журнал «Коммунист» совместно с журналом «Вопросы философии» провел «круглый стол» по проблемам перспектив настоящего и будущего человека и человечества, проблемам, которые все более и более волнуют как ученых-обществоведов, представителей естествознания, так и широкие слои населения. В обсуждении этой многоаспектной темы приняли участие: Э. А. Араб-Оглы — доктор философских наук, член редколлегии журнала «Коммунист»; Д. И. Валентей — доктор экономических наук, руководитель Центра по изучению проблем народонаселения при МГУ; Е. П. Велихов — академик, вице-президент АН СССР; А. Г. Вишневский — доктор экономических наук, зав. отделом Института социально-экономических проблем народонаселения АН СССР; А. И. Володин — доктор философских наук, профессор АОН при ЦК КПСС; А. А. Галкин — доктор исторических наук, проректор Института общественных наук при ЦК КПСС; Д. А. Гранин — писатель; В. П. Зинченко — член-корреспондент АПН СССР, директор-организатор Института человека АН СССР; Кирилл — доктор богословия, архиепископ Смоленский и Калининградский; В. А. Лекторский — доктор философских наук, главный редактор журнала «Вопросы философии»; Н. Н. Моисеев — академик, консультант Вычислительного центра АН СССР; И. Т. Фролов — академик, президент Философского общества СССР.

Ниже мы публикуем фрагменты состоявшейся дискуссии. Надеемся, что публикация побудит наших читателей к самостоятельному осмыслению этой не только интересной теоретической, но и насущной практической проблемы современного общественного развития.

Новое мышление — мышление гуманизма

И. Т. ФРОЛОВ. Новое мышление есть мышление нового гуманизма. Именно под этим углом зрения мы подходим к прогнозированию будущего, и не просто к прогнозированию, а к реальному планированию, скажем, до 2005 года, которое, как сейчас всем стало ясно, является актуальной проблемой в практическом плане.

Исследование перспектив цивилизации на качественно ином уровне, в частности картины будущего и состояния общества на рубеже эпох, в канун третьего тысячелетия, было начато в 1960-х годах и исходило во многом от марксистов, сотрудничавших с представителями немарксистской мысли. Оно было связано с анализом мирового развития в аспекте обострения глобальных проблем, о чем с тревогой писали западные ученые-экологи, с тем, что окрасило в последние десятилетия становление нового мышления.

Хочу особо подчеркнуть, что постановка вопроса о будущем человеческой цивилизации в аспекте угрожающего нарастания глобальных проблем

исходила от поколения советских ученых — естественников, философов и социологов, воспринявших идеи XX съезда КПСС. Это позволило нам если не вырваться вперед, то остаться по крайней мере на мировом уровне развития научной и философской мысли. Причем своеобразие марксистской постановки вопроса заключалось в конкретном социальном подходе ко всему комплексу проблем, что помогло более реалистически взглянуть на ситуацию в целом, анализировать и решать общечеловеческие глобальные проблемы с учетом существования социализма и капитализма.

Более того, мы говорим, что социализм должен больше определить себя как неразрывная часть единого процесса развития мировой цивилизации. Именно в рамках новой целостности он призван выявить свои преимущества и в то же время использовать те формы организации современного общества, которые хотя и не характеризуются сегодня как социалистические, но, тем не менее, дают что-то позитивное, ведут вперед. Например, в развитых капиталистических странах это бурный рост авангардной, или, как ее называют, высокой, технологии, создающей ряд не встречавшихся ранее ситуаций. Они могут рассматриваться как определенные модели и нашего будущего. Мы сейчас изучаем такие модели и стремимся использовать полученные знания в своих прогнозах.

Анализ современного движения общества показывает, что новая авангардная технология должна прийти в высокое соприкосновение с развитием цивилизации, культуры и самого человека. Только на этом пути возможно дальнейшее развертывание прогрессивных процессов. Обращенность к культуре, человеку, его духовному миру диктуется необходимостью изменения самих производительных сил, а не просто какими-то традиционными гуманистическими соображениями. Она становится доминантой современной эпохи. Поэтому становление мышления, связанного с представлениями о целостности мира, взаимозависимости его частей, о приоритете человека и общечеловеческих ценностей, неизбежно предполагает и новую в истории форму гуманизма. Переход к гуманному обществу очень сложен. Каждому из нас приходится «сдирать» с себя старую, загрубевшую кожу. Мы вынуждены коренным образом многое менять в наших взглядах на действительность, даже в самом способе мышления. Хотя еще совсем недавно мы кичились своей свободой научного творчества, нельзя забывать, что даже какие-то небольшие ее крупинки достигались ценой борьбы, навлекали иногда на себя гонения. Сейчас положение изменилось. Неоправданное давление на науку исчезает, отодвигается назад, поскольку масштаб, задающийся современному мышлению, несопоставим с тем, что было ранее. Но время поставило трудную задачу, грандиозную, требующую напряжения всех интеллектуальных сил.

А. И. ВОЛОДИН. Хотелось бы обратить внимание на эволюцию самого исходного понятия предмета нашей дискуссии — понятия «человечество». У мыслителей далекого прошлого оно означало человеческий род и не являлось предметом специального самостоятельного исследования. Во всяком случае, то содержание, которое вкладывалось в него, было предельно абстрактно. Это либо натуралистические представления о человечестве как о совокупности всех людей, всего населения, либо фразеологические трактовки того же самого порядка.

Ключевое значение этому понятию придавалось в теоретических представлениях утопических социалистов. Стремясь исправить историческое развитие, они полагали, что история, какой она была до сих пор, искажала природу человечества. По их мнению, оно будет жить по своим собственным правильным законам только тогда, когда мы его облагодетельствуем, направим на истинный путь. Ибо реально действующие законы ведут человечество лишь к несчастью. Обрести счастье возможно только при каком-то особом состоянии. Последнее утописты связывали с достижением цивилизованности. Тем самым они, по существу, исключали из мирового человеческого общества многие народы. Иными словами, исходное понятие было по содержанию антиисторично. Человечество уподоблялось малому ребенку, еще не зрелому, не воспитанному, не знающему, как нужно нормально жить.

По сравнению с социалистами-утопистами в философии Гегеля осуществляется соединение понятий «человечество» и «история». Для него история человечества является историей действительной. Народы суть то, чем оказываются их действия. Он подчеркивает многоликость человечества, которое есть живой организм, организм сложный и противоречивый. Человечество по Гегелю — это процесс его развития.

Если говорить о Марксе, то нельзя не заметить, что он весьма осторожно подходил к рассматриваемому нами понятию. Маркс неоднократно подчеркивал, что предметом его изучения является не человек вообще, тем более не человечество в целом, а конкретный период истории общества, отношения основных классов, определяющих лицо того или иного отрезка истории. Но вот что характерно. Скептически относясь к самому понятию, не включая его в основной инструментальный анализ современного ему общества, он рассматривает капитализм как строй, создающий общие материальные предпосылки общества, когда становятся возможными подлинная свобода человека, его универсальное развитие. Само представление Маркса об универсальном человеке выступает здесь как учет результата исторического восхождения, предпосылки которому дает капитализм, ограничивающий локальное развитие отдельных частей человечества и тем самым способствующий его становлению как целостности.

Сейчас, с учетом новых реалий, обществоведам предстоит обогатить марксистский инструментальный, наш мыслительный аппарат и метод, поскольку слово, термин существовали, но понятия, категории как инструмента научного исследования не было. Новая реальность актуализирует эту задачу. Во-первых, в современную эпоху происходит становление действительно всемирной истории, где все со всем связано. Речь идет о формировании человечества как единого целого, о процессах интернационализации жизни: экономической, информационной и т. д. Во-вторых, все больше дает о себе знать проблема общечеловеческого интереса, проблема диалога, партнерства, поиска баланса, определенного равновесия различных, подчас противоречивых и даже антагонистических интересов. И наконец, интенсифицируется развитие самосознания человечества, оно ставит практическую цель выработки у каждого индивида представления о принадлежности не только к своей семье, нации и государству, но и к единой планетарной семье, человечеству как новому сообществу людей.

Таким образом, речь идет о возникновении какого-то духовного образования, которое сделает в конечном счете (такова тенденция) человечество

подлинным субъектом исторического движения, активно действующим субъектом в условиях сложной структуры отношений разных стран, регионов, партий, общественных движений и т. д. и т. п., но при этом все-таки субъектом, имеющим свой специфический интерес и действующим в каких-то определенных границах.

Архиепископ КИРИЛЛ. Да, действительно необходимо искать какие-то определенные формы диалога, соотнесения несовпадающих взглядов, убеждений, которые мы могли бы достойно и достаточным образом переводить в реальную жизнь нашего сегодняшнего дня. Как верующий человек, я убежден, что Бог является творцом истории, но Он действует, не нарушая внутренние законы свободы личности. Поэтому если мы говорим о будущем как верующие люди, то в понятие «воля Божья и Божий промысел» мы должны вложить понятие человеческой свободы. Будущее в значительной мере определяется тем, что будут делать люди, как они будут поступать и как мыслить.

Свобода мышления на принципах приоритета общечеловеческих ценностей, по моему мнению, является фундаментальным принципом нового мышления. Его необходимо всемерно внедрять в нашу внутреннюю жизнь. И поскольку на основании этого этического принципа мы будем строить наше общество, мы быстрее продвинемся вперед.

Д. И. ВАЛЕНТЕЙ. Мне хотелось бы поддержать мысль о том, что проблемы нашего будущего — это проблемы нашего настоящего. Осознание целостности, непрерывности развития истории, общества является существенной особенностью складывающегося мышления. Хотя до конца века осталось около 10 лет, мы уже вступили в новое столетие, ибо многие волнующие нас проблемы будут еще долго оставаться актуальными. Конечно, втягиваясь в третье тысячелетие, никто из нас не рискнет точно прогнозировать течение социальных, национальных и демографических процессов, развитие культуры и религии как мирового явления из-за их чрезвычайной динамичности. Но поставить проблему и осмыслить ее хотя бы в первом приближении необходимо.

В связи с этим следует отметить, что в наших философских словарях и энциклопедиях до сих пор нет статьи о человечестве, а понятие «цивилизация» раскрывается крайне скупо и неудовлетворительно. Чаще всего цивилизация трактуется как синоним культуры, уровень общественного развития, следующий за варварством. Но что же такое цивилизация, если и на пороге нового тысячелетия мы наблюдаем многочисленные элементы бескультурия, варварства в различных сферах общественной жизни как в нашей стране, так и в странах других регионов мира?

Э. А. АРАБ-ОГЛЫ. Многие марксисты, даже в преобладающем своем большинстве, еще несколько лет назад считали: проблемы, которые мы называем сегодня глобальными, будут решены только после победы социализма во всемирном масштабе. Теперь обществоведы пришли к выводу, что это не так. В рамках нового мышления утвердилось понимание, что их следует решать не откладывая, в условиях сосуществования различных социальных систем, когда на Земле существуют полтора-два различных государства, сотни не похожих друг на друга наций, тысячи народностей. К тому же нельзя обольщаться уровнем достигнутого знания. Но главное, не следует позво-

лять, как часто было прежде, тем или иным идеологам уверять общественность в своей абсолютной мудрости. В конечном итоге истина, мудрость принадлежат не отдельному человеку. Они принадлежат истории.

Вместе с тем мы должны иметь в виду, что новое мышление не требует ни от кого отречения от своих взглядов и убеждений. Это касается не только марксистов, но и всех думающих людей. В противном случае оно не завоеует значительного числа поборников. Разумеется, новое мышление совместимо и с марксистским классовым анализом истории, и с классовым подходом к общественным явлениям. Однако ссылки на классовость, партийность не могут ни в коем случае оправдать посягательств на общечеловеческие интересы и ценности, на гуманистические идеалы, на демократические права человека. Если мы будем с общечеловеческих позиций определять основной критерий, цель развития общества, основной интерес человека, нам удастся избежать многих просчетов и не очень увлекаться вопросом, какая дорога ведет к храму.

А есть ли какой-то храм, который нам нужно сообща возвести, или он уже где-то находится и нас поджидает, и человечество должно либо пробить к нему просеку в наших напряженных отношениях, либо соорудить через болото невежества какую-то дамбу, либо проложить посредством научно-технического прогресса автостраду к нему? Вообще храм — это человечество. Другого храма на Земле нет для человечества, кроме него самого. А дорога — это история. И всякая попытка насильственно свернуть историю со своего пути всегда обходится очень дорого. Мне хотелось бы обратить на это особое внимание и еще раз подчеркнуть огромное значение проблемы свободы для человека и для человечества.

Мы обязаны признать: человек обладает, должен обладать свободой. Собственно говоря, она состоит в том, что именно он выбирает, что истинно, красиво, что является добром или злом, и никто не имеет права посягать на свободу человека. Если какая-то власть или идеология берут на себя всю ответственность за человеческое поведение и монополизируют право решать, что есть добро, истина, красота, то они исторически не оправданы и могут причинить человеку только ущерб. Личность остается личностью, человек человеком до тех пор, пока они остаются свободными арбитрами в своих суждениях. Поэтому будущее человека и человечества зависит от того, в какой мере ему удастся сохранить за собой свободу совести, суждений, мнений, высказываний.

И. Т. ФРОЛОВ. Что касается перспектив человечества, то, по-видимому, имеет смысл, основываясь на понимании совершающихся сегодня процессов, таких, например, как интернационализация, развитие нового, в том числе политического мышления, больше внимания сосредоточить на будущем облике мировой цивилизации. Речь, в частности, идет о предмете наших рассуждений относительно возможности какого-то единого, демократического и гуманного мирового сообщества, в котором будут сосуществовать разные формы собственности — и общественная, и частная, — неодинаковые формы общественных отношений. Но при одном условии. Это должны быть общества демократии, общества, где человек оказывается центром всех отношений. Необходимо продумать и разработать модель нового мирового сообщества как некоторой конкретной цели складывающегося сегодня политического мышления и действия. Ведь, развивая сейчас в данном направлении какие-то общественные процессы, практически реализуя принципы гуманизма, нам необходимо иметь представление о том, к чему мы идем.

Человек как самоцель истории

И. Т. ФРОЛОВ. Рассматривая проблемы формирования новых форм гуманизма как реакции на обострение глобальных проблем, целесообразно вспомнить важную мысль, высказанную А. Печчеи. Вопрос о новом гуманизме он связывал с проблемой человека. А. Печчеи считал, может быть, гипертрофированно, что развитие мира ставит человечество на грань самоуничтожения, и единственный выход видел в изменении самого человека, его морали, нравственности, сознания, что и может привести нас к спасению. Горячо поддерживая эту идею, хочу все же обратить внимание на один существенный момент. Марксисты выдвинули идею нового гуманизма, основывающуюся на идеях, которые сформулировал К. Маркс в своих ранних работах, в особенности в экономическо-философских рукописях 1844 года. В современных условиях эти труды Маркса следует осмыслить заново, поскольку в них выражена суть марксизма как науки об освобождении и развитии человека и человечества. Экономическая сторона марксизма, учение о классовой борьбе, революции — все то, к чему обращался Маркс потом, является, по существу, обоснованием идеи реального гуманизма, поиском ее воплощения в жизнь. Наша задача — понять марксизм именно как реальный гуманизм, раскрыть его человеческое содержание, выявить в нем то новое, что пригодится в настоящем и будущем.

Кажется странным называть новым учение, возникшее более ста лет назад. Но общество, образ которого рождался из марксистских представлений о реальном гуманизме, — еще дело будущего. Следовательно, сформулированные тогда принципы гуманизма — это не то, что позади нас, а то, что впереди нас, то, к чему мы должны стремиться. И прежде всего под таким углом зрения следует относиться к развитому Марксом положению Канта о том, что человек есть самоцель исторического процесса. Именно данное фундаментальное положение и составляет суть нового гуманизма. Сейчас, в ходе перестройки, обновления нашего общества, эта идея получает уже в определенной мере свою практическую реализацию.

Е. П. ВЕЛИХОВ. Действительно, мы с надеждой думаем, что XXI век избавит человека от всех бед и травм XX века. Поэтому так много обсуждаем вопрос о совместных усилиях по превращению грядущего столетия в столетие гуманизма и всестороннего процветания. Но правильно ли мы представляем будущее, сможем ли планировать наши действия соответствующим образом, способна ли наука помочь людям в этом деле или нет — вот далеко не полный перечень актуальных и сложных вопросов сегодняшнего осознания действительности. Скажем, может ли наука путем экстраполяции, как она часто делала раньше, определить динамику производства, национального дохода и установить, на какой ступени будет находиться страна в материальной, технической, духовной областях, вступив в XXI век? Все это не так просто.

Взять, например, последнее десятилетие, когда произошла «тихая революция» в технике и технологии. Она не только меняет наше время, но и окажет значительное влияние на следующее столетие. Однако самая «просвещенная, демократическая наука» плохо представляет себе ее возможные последствия, затрагивающие судьбу человека, хотя бы воздействия на него бурного развития вычислительной техники, информатики. С переходом к широкой компьютеризации многих сфер деятельности человека, с созда-

нием разветвленной системы персональных компьютеров в развитых странах произошел информационный переворот, скачок. Появилось даже новое понятие — «социальная информационная революция». Но последствия этого процесса еще глубоко не изучены.

Что несет человеку новейшая технология, как она отражается на его социально-психологическом состоянии, как ему входить в компьютеризированный мир? Ясно только одно: человечество без развития информационных систем, передачи информационных функций от человека к машинам не может представить свое дальнейшее существование, но пока и не может оценить последствия глобальной информатизации.

То есть мы еще находимся рядом с великой тайной, тайной человека, в частности его разума и чувства, его потенциала. Тут мы где-то бродим вокруг да около и никак не пробьемся к заветной цели. Однако полагаю, что наука — живая, подвижная, ищущая — найдет ответ, если станет, а она уже становится, «человеческой наукой».

Мы еще находимся рядом с великой тайной, тайной человека, в частности его разума и чувства, его потенциала. Тут мы где-то бродим вокруг да около и никак не пробьемся к заветной цели. Однако полагаю, что наука — живая, подвижная, ищущая — найдет ответ, если станет, а она уже становится, «человеческой наукой».

Но есть еще один существенный момент функционирования науки наших дней, нового научного мышления. Люди уже не хотят, общество в целом не хочет, чтобы все научные вопросы решались только узким кругом специалистов, чтобы условия их жизни без них определяли неподвластные им научные ведомства, общественные институты. Особенно ярко это проявилось в движении против ядерного оружия, ядерной технологии. Люди разного интеллектуального уровня поднялись и заявили, что не желают больше оставлять свою судьбу и судьбу своих детей в руках ученых, политиков. Они хотят сами разобраться в проблеме жизни, поскольку реально осознали хрупкость окружающего мира и уже почувствовали, что могут держать в руках свое будущее.

Но насколько эффективно? Способны ли уже сейчас наши общепризнанные институты — научно-исследовательские, общеобразовательные, средства массовой информации — дать необходимые знания для того, чтобы общественность компетентно, ответственно и разумно решала жизненно важные вопросы развития производства, науки и техники? Это сама по себе большая научная проблема.

Развитие демократического процесса в сфере взаимосвязи науки и общества во многом определяется положением дел в системе образования и подготовки специалистов в высшей школе. В бурно меняющемся под напо-

ром демократии мире она должна становиться во все большей степени гуманитарно направленной. Однако наше высшее образование, несмотря на определенные положительные сдвиги в стране, имеет еще много так называемых «черных дыр» и «белых пятен», что нетерпимо в условиях обновления социализма. К ним, например, относится изложение мировой истории науки, установление приоритета открытий, знакомство с научными концепциями современных зарубежных исследователей. Общество еще много теряет из-за недостатков в системе преподавания. Мы должны понять, что гуманизация образования невозможна без преодоления элементарного культурного невежества значительной части студентов и «глухого» педагогического невежества немалого числа преподавателей, которые порождены узкой специализацией обучения, возникают на грани взаимоотношения науки и лженауки, научной и поверхностно-популярной литературы. Наши беды заключаются также в том, что обучающиеся часто полагаются на модные течения в науке, на официально признанные точки зрения, поддаются давлению инстанций. Это было в нашей истории и еще до конца не преодолено.

Гуманизация в сфере науки, высшего образования не сводится к более широкому преподаванию чисто гуманитарных дисциплин. Цивилизованный человек XXI века должен не только знать историю, культуру, но и иметь представление, скажем, о революции в квантовой механике, проблемах высокотемпературной сверхпроводимости, электролизе, термоядерном синтезе (разумеется, в определенных пределах). Ибо при осмыслении проблемы выживания, дальнейшего научно-технического прогресса нельзя опираться лишь на здравый смысл. Последний не дает адекватного ответа на вопрос, что сулит та или иная технология с точки зрения человека, его нормального цивилизованного существования и развития.

В. П. ЗИНЧЕНКО. Будущее науки во многом определяется субсидированием научных исследований. Стоимость неудавшегося проекта «Фобос»: 272 миллиона рублей — наш вклад и 60 миллионов рублей — вклад других стран. На программу же фундаментальных исследований Академии наук СССР, которая называется «Человек, наука, общество», отпущено всего 6 миллионов рублей. Разница довольно показательная. Более того, даже в подведомственном Вам Институте проблем передачи информации не нашлось средств для исследования такой «человеческой» проблемы, как развитие сознания. Соответствующие средства были выделены институту за счет программы «Человек, наука, общество».

В связи с этим у меня к Вам вопрос. Предполагаете ли Вы, как вице-президент, что в Академии наук произойдет в самом ближайшем будущем перераспределение средств в пользу развития гуманитарных наук в широком смысле этого слова? Потому что без развития гуманитарного знания не будет ни души, ни духовности, не будет, кстати, серьезных сдвигов в образовании.

Е. П. ВЕЛИХОВ. К сожалению, вопрос о приоритетах не обсуждается до сих пор. Мы страна, живущая в условиях всевозможного дефицита. Раньше считалось, что главное — убедить руководство выделить деньги на ту или иную программу, и средства найдут. Но ведь они отпускаются за счет других, не менее важных научных исследований. Что же касается космических программ, то я не сторонник очень сильного их развития. Если они являются сопровождением народнохозяйственных или военных программ, это одно

дело, а когда речь идет о специфически собственном развитии космических исследований Вселенной, необходимо серьезно обсудить сложившиеся пропорции. Что нам нужно в космосе и что нужно на Земле, что нужно человеку? По-моему, сегодня необходимо существенно увеличить вклад в изучение Земли, среды нашей жизнедеятельности, ибо по ряду субъективных и объективных причин мы в данных направлениях научных исследований значительно отстали от мировой науки. Нужно усилить программы, которые прямо и непосредственно влияют на будущее развитие нашего общества, в том числе и на исследования гуманитарного профиля.

Архиепископ КИРИЛЛ. Однажды в передаче по телевидению о Тимофее-Ресовском прозвучала мысль, что нет ничего выше, чем наука. Она есть абсолютная ценность. Вопросы личной жизни ученого, его счастья, семьи и брака должны быть выведены за пределы его устремлений. Он должен подчинить себя служению науке, поскольку только она есть высшая, центральная ценность. Я думаю, что это глубочайшее заблуждение нашего времени.

Существует в обществе и другое заблуждение. Часто мы фокусируем все наше внимание на вопросах экономики, развития производительных сил. Откройте любую газету, любой журнал. И всюду изо дня в день — проблемы экономики, производства, управления. Так экономика становится самоцелью. Но ведь нужно задать вопрос: а для чего существует экономика, ее эффективность? Для чего нужна наука, каково предназначение культуры, искусства? Я даже рискну спросить: для чего существует и религия?

Размышляя о будущей цивилизации, мы в первую очередь должны определить, какие цели стоят перед вами, какие глобальные задачи необходимо решить, что мы хотим видеть в результате наших усилий. Для меня конечная цель та, о которой говорил апостол Павел в послании к Коринфянам как о полноте жизни. Это — новое творение, начинающееся с преображения человеческой личности и включающее в себя весь космос. По-моему, это конечная эсхатологическая цель. Если мы признаем, что цель цивилизации заключается в преображении человека, его совершенствовании, то проложим правильный ориентир общественного развития. Поэтому одной из причин принятия мною развернувшейся в стране перестройки является высказанная озабоченность духовно-нравственным состоянием человека. Существует стремление развернуть экономику, политику, социальную жизнь в сторону человека. Но важно, чтобы осуществляемый разворот не только материально обогатил людей, но и создал условия для духовно-нравственного очищения.

Но как же получилось, что мы с тревогой заговорили о будущем цивилизации, о некоем тупике. Корни своего рода кризиса погружены в глубины истории. Так, на определенном этапе исторического развития была разрушена идея целостности истины. Началось все в известную эпоху Возрождения, а затем через реформацию, период Просвещения и промышленной революции утвердился эгоистический антропоцентризм в понимании человеческой цивилизации. Целостное видение мира дробилось из-за углубления научного знания, и произошло рассечение этой целостности. Человек был поставлен в центр цивилизации. Одновременно с развитием научных методов исследования природы формировалась новая конечная цель — человек должен всемерно использовать окружающую природу, брать от нее все. Она представляет из себя ценность только в той мере, в какой служит человеческому благу. И вот на таком фундаментальном антропоцентристском

подходе начинают формироваться и наша наука, и экономика, и социальные изменения, и наше мышление. В конце концов человек стал действительно относиться к природе, окружающему миру как к своей вотчине. Знаменитый лозунг 1930-х годов, что мы не можем ждать милостей от природы, а взять ее богатства — наша задача, — результат именно определенного развития человеческой мысли и общества, социально-психологического и философского отношения к окружающему нас творению.

Главный философский, мировоззренческий вывод, который мы должны сделать из приближающегося экологического кризиса, из тупика, в котором оказалась наша научно-техническая цивилизация, заключается в следующем. Ценность имеет новый человек, строящий свои отношения с природой, с космосом на иных фундаментальных, гуманистических принципах. Иначе мы просто загадим не только нашу планету, а, может быть, и окружающее нас космическое пространство.

Е. П. ВЕЛИХОВ. Создается впечатление, что Вы не совсем традиционно трактуете антропоцентризм, когда подчеркиваете пагубность следования ему в современном мире. Но, может быть, мы сделали просто небольшой шаг назад или в сторону в практическом отношении к природе, и нам надо все же через этот принцип выйти на более фундаментальное понимание взаимосвязи человека и природы? Ведь в жизни каждого человека есть что-то высокое. Для Тимофеева-Ресовского это наука, для Экзюпери — полет, для Матери Терезы — милосердие. Если мы будем противопоставлять ценности, то окончательного ответа не найдем на вопрос, как все-таки нам выжить.

А. А. ГАЛКИН. Мне сначала показалось, что владыка ставит в центр жизни человека и на этом основании принимает перестройку советского общества. Затем филиппика против антропоцентризма, которая воспринимается как противоречие первоначальному тезису. Видимо, речь идет о том, чтобы все же поставить человека в центр жизни, но при условии, что он не злоупотребит этим.

Архиепископ КИРИЛЛ. Понятие «антропоцентризм» не охватывает всю выраженную мною озабоченность при непременном использовании определения. Если человек ставит себя в центр мира для того, чтобы эксплуатировать окружающую действительность, достичь собственных эгоистических целей, это не может не вызывать тревогу. Об этом писал, в частности, Бердяев, подчеркивая, что внешняя деятельность человека имеет свою духовную базу. И именно духовное развитие, особенно в XX веке, породило эгоистическое, антропоцентристское отношение человека к миру. Говоря о целях, которые ставят перед собой общество и человек, необходимо различать конечные и промежуточные цели, абсолютные и относительные. В данном контексте наука, экономика — это относительные ценности. Если мы назовем их абсолютными ценностями, то потеряем всякую перспективу развития. Хорошо, когда конкретный человек ставит интересы науки выше эгоистических материальных интересов. Но иное дело, когда средства достижения целей, какими, в частности, являются наука, экономика, искусство, отождествляются с самими высшими целями, становятся самоцелью человека и общества.

Д. А. ГРАНИН. Нам необходимо учитывать опасно возрастающее самозамыкание человека, которое и привело во многом к экологическому кризису.

Человек рассматривается до сих пор как венец творения, как царь природы. И это самомнение не убывает, а растет в силу могущества машин, преклонения перед разумом.

В самом деле. Возьмите хотя бы учебники по биологии. Что наполняет их содержание? Восторг перед разумом человека, сумевшего проникнуть в тайны клетки. И нет совершенно восторга перед гармонией, красотой природы, неисчерпаемостью ее тайн, перед которыми достижения разума — ничто. То есть человек с малых лет воспитывается в сознании своего могущества, исключительности. Он не рассматривает себя как часть природы. И в этом больше языческого, чем христианского.

Человек — часть природы. Именно такой подход, такая концепция должны лежать в основе гуманизма.

Или затронем экологические проблемы. Возникающие здесь кризисы рассматриваются с точки зрения угрозы нашему существованию, а не с точки зрения любви к природе. Это два разных подхода. Но какое право мы имеем думать так? Только право силы, и не больше. Поэтому экологи занимают своеобразную оборонительную позицию. Но здесь нужно иное чувство, иное мышление. А именно: любовь ко всему живому, преклонение перед ним, понимание того, что человек — вовсе не лучшая часть природы.

Н. Н. МОИСЕЕВ. Действительно, антропоцентризм в его определенном понимании возник в эпоху Возрождения и последующего развития естественных наук. Этот принцип вывел человека как бы за рамки природы, сделал его рациональным наблюдателем. Более того, он поставил даже природу человека на службу обществу.

Однако связанный с этим процессом рационализм, как говорил В. Одоевский, подвел нас к вратам истины, но не позволил нам их открыть, в чем и заключается беда старого антропоцентризма. Необходим был синтез естественнонаучной и философской мысли, мысли гуманистической. Такой синтез был осуществлен во второй половине XIX века в русской культуре. Он привел к совершенно новому представлению. Понятие антропоцентризма наполнилось другим содержанием, которое может быть нами принято и послужить основой консенсуса.

Суть его состоит в том, что человек, как отмечали Сеченов и Менделеев, а вслед за ними Вернадский, — не потусторонний зритель, не безучастный элемент природы. Он хотя и часть природы, но активный, заинтересованный агент, такая ее составляющая, роль которой все время возрастает. Но коль скоро человек оказывается основным элементом образующих сил, он не может себя развить и сохранить без сохранения и развития природы. Это и есть естественный процесс, называемый нами универсальным эволюционизмом.

И. Т. ФРОЛОВ. Следует четче определить понятие «антропоцентризм», иначе действительно впадем в противоречие. Мы говорим о необходимости человеческого измерения науки, о том, что европейская наука делала ставку в основном на принципы редукции и с помощью редукции добилась колоссальных достижений. А сейчас важно восстановить целостный подход, целостный взгляд и дать именно человеческое измерение всему, включая науку. И мы, в частности, отмежевываемся в этой связи от таких оценок, от такого понимания марксизма, которое сводится к приписыванию ему технократизма, исключаяющего в нем человеческие оценки, гуманистические принципы.

Более того, советские философы еще до того, как стало формироваться новое политическое мышление, сформулировали принцип, согласно которому гуманистические ценности выше тех, что могут быть получены в ходе чисто научного познания. И на этой основе разрабатывали подход к генетическим, биомедицинским, генно-инженерным исследованиям, подчеркивая необходимость некоторых запретов. Ибо возникла опасность для человека, а значит, появилась проблема создания определенных принципов исследований, даже, может быть, законодательных установлений, которыми должны руководствоваться ученые. В 1970-е годы ученые первыми предложили мораторий на некоторые виды генно-инженерных работ. Сейчас поставлен вопрос о разработке своеобразных этических кодексов науки. И они уже разработаны в некоторых странах, например в Польше, где представлен Этический кодекс научных работников.

Этот вопрос обсуждают и религиозные деятели. Под руководством Всемирного совета церквей в конце 1960-х годов известные ученые и крупные специалисты осуществили типизацию допустимых и недопустимых по морально-этическим соображениям экспериментов на человеке.

Таким образом, не только возникает механизм общественного контроля за научными исследованиями, но и формируется механизм самоконтроля, саморегулирования науки на этических, гуманистических ценностях нового мышления.

Духовно-нравственный потенциал человека

Архиепископ КИРИЛЛ. Конечно, было бы глубочайшим заблуждением считать, что эксплуататорское, эгоистическое отношение к природе порождено только научными методами познания мира. Разумеется, не открытия Ньютона, Галилея, Коперника, Декарта и Бэкона породили антропоцентризм. Речь идет об определенном духовном базисе деятельности человека, от которого во многом зависит его видение мира, окружающей действительности. И вот тот духовный мир, то самочувствие человека и общества, господствовавшие в эпоху Возрождения, повлияли таким образом, что научные открытия имели, на мой взгляд, однобокое антропоцентристское развитие. Оно проникло в гуманитарные области, в сферу мышления и философии.

Духовные силы человека являются базисом его исторической деятельности. Отсюда величайшим приоритетом должна стать духовная жизнь человека. В дискуссиях по данному предмету меня беспокоит ложная трактовка понятия духовности. Она в основном отождествляется с двумя уровнями развития человека — рациональным и эстетическим. Из передач по телевидению и радио на эту тему можно сделать простой вывод: ходишь в театр — живешь духовной жизнью, не ходишь — какой-то иной. Посещаешь выставки, музеи — духовно развитый, не интересуешься живописью — духовно незрелый. Это, конечно, упрощенный взгляд. Мы забываем о той величайшей духовности, которой обладал наш простой народ, русские крестьяне. Именно она во многом оплодотворяла творчество замечательных русских писателей, деятелей культуры XIX века, искавших и находивших в народной духовности высшие ценности.

Для меня духовность — совсем не рациональный уровень бытия, совсем не эстетический уровень жизни. Можно быть ученым и извергом, художником и злодеем. Вопрос о возможной совместимости творчества и мораль-

ной ущербности был поставлен еще Пушкиным. Теперь исторически он решен, по-моему, однозначно: эти вещи могут совпадать.

Проблема в конце концов заключается в том, что духовность есть нравственность, есть этический уровень бытия. Если человек морален, формирует свою внутреннюю жизнь и ее условия, свой образ поведения в соответствии с нравственным законом (под ним я подразумеваю абсолютные этические принципы), он духовен. Духовность — это воплощение в человеческой личности нравственного закона бытия.

Существуют различные мнения о происхождении нравственности. Я выделяю онтологический источник. Пока мы не признаем существование объективного нравственного закона, который заложен в человеческой природе, будет происходить то, о чем нас предупреждал Розанов. По его словам, страшна свобода человека там, где нет признания верховного нравственного закона, нет другой ответственности, кроме той, которую сегодня придумают люди. О каком человеческом обществе может идти речь, если люди сегодня управляются одним пониманием добра и зла, а завтра — другим? Если в основе нравственности лежит принцип относительности, то у нашего общества и у всей человеческой цивилизации нет шансов на выживание. Но если мы будем исходить из положения, согласно которому в основе нравственности лежит объективный закон, а сами нравственные ценности являются абсолютными, у нас есть будущее, и мы сможем договориться друг с другом.

Нужно достичь нравственного консенсуса на основе общечеловеческих ценностей. Допускаю, что на уровне теоретической дискуссии это возможно. Возможно, но, увы, недостаточно. Теоретический консенсус необходимо перевести в конкретную политику, и в первую очередь внедрить в сознание общества через систему просвещения. Мы должны иметь своего рода общий «нравственный катехизис», обучать на его основе детей с детского сада элементарным этическим нормам. Более того, нравственный катехизис как сумма нравственных идеалов и принципов, основанная на общечеловеческих нормах морали, должен определять все гуманистическое направление нашего образования.

Меня всегда привлекала идея клятвы Гиппократата. Но почему эту клятву дают только медики? Может быть, опираясь на нравственный катехизис, нравственный консенсус, такую клятву должен давать каждый выпускник средней школы, техникума или вуза? Целесообразно, чтобы каждый профессионал, вступающий в жизнь, клялся перед своей совестью, обществом, народом, перед Богом, если он верующий человек, что его поведение, профессиональная деятельность не будут противоречить гуманным, нравственным принципам.

Естественно, всякие клятвы могут быть нарушены. Но, с другой стороны, прекраснодушные рассуждения о необходимости быть нравственным, честным, не делать зла ничего решительно не меняют в обществе. Только тогда, когда мы соединим глобальные нравственные понятия с системой образования, когда подкрепим наш нравственный консенсус реальной политикой в области воспитания, мы сможем формировать нового человека, новую мораль, которая мотивировала и социальную, политическую, профессионально-преобразующую деятельность людей конца XX и начала XXI века.

И. Т. ФРОЛОВ. Нет ли противоречия в тезисе о существовании каких-то объективных, абсолютно устойчивых норм нравственности, заложенных

в самой природе человека? Коренятся ли они в таком случае в генетических, физических свойствах и параметрах человека или это нечто другое, что связано с определенными социальными факторами, формирующими личность? Конечно, в сфере нравственности недопустим релятивизм. В нашей деятельности необходимо исходить из абсолютных в каком-то смысле нравственных ценностей. Эту мысль прекрасно выразил А. Швейцер. Однако есть ли нечто полностью неизменное, внеисторическое в нравственности как жестко заложенное в самой естественной природе человека? Разве он не изменяется в истории?

Архиепископ КИРИЛЛ. С точки зрения христианского богословия и религиозного понимания мира нравственный закон заложен Богом в природе человека и осознается через совесть. Совесть — понятие изменчивое. Она подвергается воздействию окружающего мира. И поэтому потребовался писанный закон, с которым человек мог бы сверять свою совесть. Но с христианской точки зрения вложенная Творцом в природу нравственность есть объективная данность.

В. П. ЗИНЧЕНКО. Что касается выработки определенного основания для консенсуса, то хочу заметить следующее. В нашей философской литературе уже просматривается линия, связанная с исследованием онтологического аспекта явлений, процессов, событий. Она предполагает выделение как минимум уровня рефлекторного и уровня бытийного. В последнем укоренен определенный смысл — практический, нравственный, этический. В данном понимании можно говорить об онтологизированной этике, онтологизированных корнях смысловой составляющей сознания. Другое дело, что марксисты иначе представляют себе приспособление сознания. Но, несомненно, в сознании есть онтологический компонент, хотя само оно, разумеется, как и культура, — историческая категория. Это, по-видимому, и может быть основанием для выработки консенсуса.

Э. А. АРАБ-ОГЛЫ. В связи с этим целесообразно подчеркнуть, что марксисты решительно отвергают нравственный релятивизм. Устойчивость нравственных основ человека зиждется на тысячелетнем развитии человека как биосоциального существа. Отсюда недопустимо произвольное вмешательство как в генетическую наследственность человека, так и в культурное наследие человечества, включая его нравственные устои. И только в этом смысле есть какие-то непреходящие, неизменные ценности.

Н. Н. МОИСЕЕВ. Раньше я коснулся идеи универсального эволюционизма. С этой идеей связаны многие представления о развитии человечества, в том числе концепция формирования нравственности. Через призму данного подхода нравственность возникает естественным образом. Без нее в определенном смысле не могло осуществиться превращение человека в Человека. Скажем, без возникновения нравственного принципа «Не убей» невозможно было прекращение внутривидового отбора и переход на рельсы социального развития. Так и сегодня, пока не утвердился подлинно нравственный императив, серьезно говорить, допустим, о способности человека преодолеть экологический кризис просто нельзя.

И. Т. ФРОЛОВ. Момент развития общества, на который Вы обратили внимание, пытался осмыслить еще П. Кропоткин в двухтомной «Этике». На высказанных там и выработанных позднее научных положениях основываются сейчас многие теории эволюционно-генетического механизма происхождения нравственности, высших этических принципов, в том числе принципа альтруизма. Из этого исходила, в частности, нашумевшая на Западе концепция социобиологии, хотя ее крупный представитель М. Рьюз и не ссылаясь на работы Кропоткина, впрочем, как и на книги Ф. Добржанского.

В нашей стране соответствующие подходы ученые энергично обсуждали в начале 1970-х годов. Публикации Астаурова и Эфроимсона в журнале «Новый мир» — пожалуй, вершина разгоревшейся тогда дискуссии. И сегодня мы, к сожалению, не только не можем подняться на достигнутый в прошлом уровень философского осмысления проблемы, но и не в состоянии просто подхватить и продуктивно продолжить ее обсуждение.

Д. А. ГРАНИН. Рассматривая проблему нравственного консенсуса применительно к будущему, по-моему, нельзя упускать из виду трудный период нашей истории, своеобразие сегодняшнего дня. Начиная с Древней Греции человечество всегда создавало разного рода утопические проекты, модели, схемы грядущего, чаемого общества, цивилизации. Их составной частью всегда была какая-либо главная идея жизни. Теперь мы лишились утопий, стали более рациональными. Но вместе с тем лишились и самой идеи жизни, которая бы оправдывала самопожертвование человека, определяла его нравственные устремления. Общая идея как будто исчерпала себя, вызвала разочарование, сомнения и т. д. Отсюда духовная сторона жизни многих людей не насыщена нравственным содержанием. Поэтому встает вопрос: нужна ли сегодня такая идея вообще, способно ли общество прожить и без нее? Да и можно ли думать о какой-то всеобщей, примиряющей, соединяющей всех идее жизни? Полагаю, можно. Это идея гуманного, духовно богатого человека, идея «за» человека и общество, а не идея «против» чего-то и кого-то.

Где лежит возможность осуществления такой идеи в условиях нашего общества? В том всепримирении, о котором говорил Достоевский, или, быть может, на путях определенного соединения людей? Но какого, учитывая, что несколько поколений советских людей начинают читать, осваивая лозунг, призывающий к соединению пролетариата? Очевидно, нового соединения, поскольку недостаточность старого сегодня для всех ясна. Ибо нет одних только «пролетариев», нет только одного того специфического, что их объединяет. Все люди должны соединиться на чем-то и в чем-то несколько ином — новом, общечеловеческом.

Нравственное состояние общества, характеризующееся позицией круговой обороны от всевозможных угроз, не способствует развитию человеческого духа, гуманистических нравственных идей. Не случайно показателем такого состояния является отсутствие героев гуманизма. Мы живем сейчас, по существу, в безгеройном обществе. Если раньше в старой России существовали хотя бы святые, мученики веры, были такие герои нравственности, как Толстой, Чехов, Достоевский, Пржевальский, то мы подменили их в свое время героями-рекордистами, ударниками освоения, преобразования природы, героями — покорителями всевозможных вершин и т. д. и т. п. А где герои духа, нравственной жизни, герои любви в широком смысле слова, без которых трудно обходиться не только молодежи, но и всему обществу, ге-

рои типа Матери Терезы, Швейцера и др.? Случайно мы лишились их или нет? Что это — временное состояние или логическое следствие нашего развития? К тому же может ли быть не ущербным в чем-то нравственное развитие без норм, разработкой которых занималась религия?

Мне кажется, что проблема идеи жизни, подлинно народной идеи, не просто философски абстрактной, а такой, которая поднимала бы, возвышала человека, позволяла ему осмысливать свои решения, радости и печали, свои достижения не только в узких рамках профессиональной роли, должна существовать, стать основой общества. Без нее жизнь не может наполниться никаким нравственным содержанием. Милосердие, просто сочувствие, сострадание к людям — отправная точка процесса развития человека, важная составляющая его ориентира движения: стоит ли он на месте, идет вперед или назад?

Архиепископ КИРИЛЛ. Вы затронули очень важную тему. Да, из нашего общественного сознания исчезла идея нравственного героя, того самого героя, который основывает свою деятельность на общечеловеческих принципах. Она ушла. Герой массовой культуры детерминирован совершенно иной нравственностью — нравственностью 1920—1930-х годов. И конечно, этот герой не вечен. Он умирает вместе с теми годами. Сейчас невозможно апеллировать к старым примерам, бывшим авторитетам. Захватить человеческую душу может тот герой, который вырос на фундаменте вечных нравственных ценностей. Но ведь последние не входили в наши «критические» стандарты. Подобные герои представлялись нам в качестве носителей так называемой мещанской морали. А к ней мы справедливо относились весьма пренебрежительно.

Однако кто же главный герой романов на затасканную производственную тему? Человек сильный, мужественный, бескомпромиссный, в чем-то даже жестокий, способный в споре и в деле непременно до конца отстаивать свою позицию. Это не князь Мышкин Достоевского. Ему нет места, не должно быть места в обществе, хотя он и носитель вечных, непреходящих нравственных ценностей. И таким образом сменился положительный герой нашей литературы, впитавшей в себя иные ценности. Но ведь по-настоящему нравственная литература не флюгер, который сегодня показывает одну сторону жизни, указывает одну дорогу, а завтра — другую. Именно поэтому вернуть литературное творчество на путь раскрытия вечных нравственных истин, непреходящих ценностей человечества является чрезвычайно важным делом.

И. Т. ФРОЛОВ. Вряд ли мы можем оценивать историю нашей литературы как сплошное приспособление. Вряд ли выдвинутый ею герой не нес в себе положительного нравственного заряда. Герой советской литературы, например глубоко гуманистического романа Шолохова «Тихий Дон», герой ищущий, неоднородный, но деятельный, утверждающий что-то в жизни, или, как иногда говорят, фаустовский человек. И в данном своем качестве он в общем-то не исчерпал себя. Поэтому утверждение общечеловеческих ценностей в нашей жизни не приводит нас к необходимости безоговорочного признания в качестве героя князя Мышкина. Хотя, конечно, какие-то определенные элементы литературного образа мы можем воспринять как положительные. Однако это все же не герой нашего будущего.

Дело в том, что поворот в общественном сознании, в утверждении общечеловеческих ценностей во всех сферах жизни советского общества сделан

не «князем Мышкиным». Он осуществлен людьми деятельностными, вышедшими из тяжелейших лет культа личности Сталина и так называемого застойного периода, выдержавшими, победившими в великой схватке Великой Отечественной войны. Это и люди, боровшиеся в такой «тихой сфере», как философия. Все это сильные личности, часто терпевшие поражения, но выстоявшие и последовательно возрождавшие духовные ценности, общечеловеческие традиции, гуманистическое мышление. Их борьба есть вообще нечто такое, что достойно не просто удивления, а восхищения. Именно поэтому наш герой — человек действующий, утверждающий своими поступками что-то позитивное, а не плод каких-то кабинетных размышлений, морализирующего сознания.

Такого человека в общественном сознании, в истории культуры утверждали многие честные писатели — Можаяев, Абрамов, Тендряков, Распутин, Астафьев, которые не были пассивными созерцателями. В разные годы и по-разному в советской литературе высвечивались противоречивые грани процесса формирования нравственного человека, отражающего свою эпоху, реальную историческую смену событий. И, видимо, не надо нигилистически относиться к тем поискам, которые осуществлялись в литературном творчестве.

Архиепископ КИРИЛЛ. Вы, конечно, правы. Несмотря на исторические перипетии, полностью не были уничтожены традиции русской классической литературы. Они присутствовали в советской литературе даже в самые трудные годы. И все же значительную долю ответственности за формирование бездуховного человека несет и она. Во многих произведениях не встретишь таких понятий, как жалость, смирение — не как забитость, не как слабость, а как внутренняя сила. Ибо «не дать сдачи», а в высшем смысле слова «подставить другую щеку» — есть огромная внутренняя сила, а не слабость человека. Гораздо проще кулаком отмахнуться от того, что нас не устраивает. Гораздо труднее любовью, смирением, внутренней силой преодолеть зло. Я глубоко убежден, что другого пути борьбы со злом не существует — разумеется кроме экстремальных случаев, когда необходимо просто отражать агрессоров.

И. Т. ФРОЛОВ. В том, что Вы сказали, возможно, какая-то метафорическая истина, выраженная в абстрактной форме, есть. Но дело не в этом. Возьмите нынешнюю ситуацию, когда мы ведем перестройку всего общественного организма. Разве она предполагает какое-то смирение? Путь от старого к новому — это действительная борьба, и идет настоящая борьба, а не отвлеченные дискуссии. Так что же, здесь будет побеждать тот, кто «подставит другую щеку»? Нет. И мы подчеркиваем необходимость, а это сейчас острейшая необходимость, соединения духовной силы (в нравственных потенциях князь Мышкин был силен) с деятельностной активностью, с непосредственно личным участием в делах общества, в том числе активностью в борьбе за перестройку, за идеалы гуманизма. Ибо предыдущий опыт нас научил: нельзя уступать, сдаваться, нужно вести последовательную, упорную борьбу за преобразования, не ограничиваться только моральной, нравственной проповедью, пассивным выжиданием того, когда все согласится с правдой жизни.

Н. Н. МОИСЕЕВ. В деле утверждения нравственных норм и гуманистических принципов в жизни общества участвует не только литература. Ог-

ромная роль здесь принадлежит науке и образованию, которые должны выступать как единый механизм подготовки человека к восприятию достижений культуры. При сложившейся системе они пока выступают как два разобщенных ведомства, узко понимающих свои задачи. Но мы не настолько богаты, чтобы иметь два полноценных комплекта ученых, когда один из них занимается вопросами развития «чистой» науки, сугубо профессиональных исследований, а другой — проблемами воспитания кадров, их научного мировоззрения, культурно-нравственной подготовкой и специальным образованием. Одно без другого плохо существует, и необходимо создавать новый механизм кооперации этих двух ветвей научного процесса (скажем, университета и научно-исследовательского института) и на ее основе сформировать общую программу совершенствования образования, включающую вопросы нравственного воспитания будущих специалистов, развития их творческого гуманитарного мышления. Причем мы можем использовать богатый опыт научной российской интеллигенции, таких крупных советских ученых, как Вавилов, Вернадский, Лосев, Капица и др. Мы часто оценивали лишь научные результаты их деятельности и забывали об огромном вкладе в нравственность науки, в создание культурно-нравственной среды творческого интеллекта. Именно они поддерживали незатухающий огонек гуманизма, сохранили возможность превратить его в полыхающий костер.

В. П. ЗИНЧЕНКО. Наука сегодня не только плохо связана с образованием, но и оторвана от культуры. Она даже перестала восприниматься как неотъемлемая часть культуры. То же можно сказать и об образовании, особенно школьном, которое, как и наука, в равной степени должно питаться культурой. Поскольку мы наладим утраченные связи между ними, новое их объединение, постольку мы восстановим в обществе настоящую духовность. И лишь так, а не иначе. Ведь инженер, любой специалист, не обладающий гуманитарной культурой, не способен к целостному восприятию, так необходимому сегодня, природы и общества, окружающей действительности, да и самого предмета своей деятельности. В противном случае целостный взгляд заменяется точкой зрения с вытекающими отсюда негативными последствиями. К тому же гуманитарные знания, общая культура открывают возможность, помимо целостного восприятия мира, его ценностное, глубоко нравственное восприятие. Уменьшается количество субъективных компонентов всевозможных аварий на производстве, технологических трагедий и катастроф.

Д. А. ГРАНИН. У нас огромное количество технических вузов, где, как на бездушном конвейере, штампуется техническая интеллигенция, заполняющая всю страну. Поток массового изготовления остановить трудно. Тут не до культуры, успевай лишь освоить специальную программу.

Но вот мне пришлось побывать во многих зарубежных университетах различного профиля. Там меня в деле гуманизации специального образования поразило следующее обстоятельство. Почти во всех университетах штатным расписанием предусмотрен поэт или художник, деятель культуры. У них нет никаких не свойственных им обязанностей. Их задача — существовать в университетской, студенческой среде, создавать определенный культурный фон и тем самым оправдывать средства, отпущенные на их содержание. Уже само присутствие поэта среди будущих физиков, химиков, математиков и т. д. благотворно сказывается на становлении гуманистического научного сознания,

даст что-то нравственно очень важное при формировании общей культуры естествоиспытателей и техников. Видимо, это может стать и у нас неотъемлемой составляющей гуманизации высшего образования.

Гуманизация образования должна коснуться и содержания учебников. Наука интернациональна. Нет, например, национальной биологии. Она едина, как едина природа. Она едина и в том смысле, что тесно переплетена с другими науками. В связи с этим заслуживает внимания идея создания каких-то общих учебников, отражающих развитие мировой научной мысли в целом. Скажем, история едина — и Древнего Востока, и Древней Греции, и тем более позднего периода. Но мы почему-то ее разделили, и учебники служат скорее разъединению людей, чем осознанию их тесной взаимозависимости, их общих оснований. Нам же нужно, чтобы учебники несли в себе идею соединения людей, идею взаимосвязи различных отраслей знания.

И. Т. ФРОЛОВ. Действительно, наши знания о цивилизации, культуре развиваются сейчас какими-то изолированными фрагментами. Огромный массив новых разрозненных знаний наваливается на человека и порождает какое-то фасеточное зрение. Порой даже ученые, как в Вавилонской башне, говорят на разных языках. И это сейчас, может быть, одна из самых больших угроз для современной цивилизации. Мы не находим понимания друг у друга. Иногда даже нет такого желания. Что уж говорить о решении глобальных проблем в такой ситуации. Поэтому надо приветствовать идею ЮНЕСКО создать какой-то свод знаний, сделать его общечеловеческим и на его основе осуществлять «инновационное обучение». Его стержнем было бы не изучение выведенных законов и их приложения в различных областях, а воспитание ума, готового к восприятию нового, и обучение методам познания.

Зигзаги прогресса

А. Г. ВИШНЕВСКИЙ. Говоря о человечестве и цивилизации на пороге нового тысячелетия, нам надо привнести в дискуссию побольше тревожности, потому что ситуация является крайне сложной. Вступая в XX век, многие люди испытывали большой оптимизм. Заканчивая это столетие, мы имеем для оптимизма гораздо меньше оснований.

Давление на нашу планету, оказываемое разрастающимся человечеством, все время увеличивается. Оно поставило в новую плоскость вопрос об оценке прогресса, его судьбах. Вопрос о том, куда мы идем, в каком направлении движется цивилизация, не является ли ее путь тупиковым, мне кажется, должен быть поставлен во весь рост, хотя на него пока чрезвычайно трудно дать определенный ответ.

Прогресс ли страшное давление на природу, на ее ресурсы, разрушающее все системы жизнеобеспечения человечества, которыми обладала наша планета? Но, с другой стороны, можно ли отказаться от технического прогресса, от воздействия на природу вообще, если они освободили человека от ее зависимости? Ведь люди осуществили огромный рывок за последние сто лет в борьбе с болезнями, смертью и т. д. Продолжительность жизни увеличилась с 35 до 70 лет. Выиграл каждый человек. Все вместе это прогресс или регресс?

В начале нашего века на планете было немногим более 1,5 миллиарда человек, сейчас — 5 миллиардов, а к середине будущего века на Земле будут

жить по меньшей мере 10 миллиардов людей. Так называемыми благами цивилизации в полном объеме в наши дни пользуется всего какая-нибудь пятая часть человечества. Но и остальные 4 миллиарда людей хотят ими пользоваться. И для того чтобы они в какой-то степени удовлетворили свое желание, необходимо развивать материальное производство, потребление ресурсов, технику, энергетику, химию и т. д. и т. п. Причем во многом на традиционной основе, поскольку ждать никто не хочет. Да и безнравственно со стороны тех, кто все имеет, доказывать, что можно прожить, например, без водопровода, электричества, канализации, асфальта. Значит, хотим мы того или нет, разрушающее воздействие на природу будет продолжаться.

Частью нового гуманистического мышления должна обязательно стать абсолютная честность во взгляде на остроту проблемы. Здесь, по-моему, библейский призыв «иди и смотри» должен быть услышан каждым человеком науки, занимается ли он глобальными или национальными проблемами. Причем одними нравственными призывами не обойтись. Нам предстоит пережить еще много ненравственного. И задача состоит в том, как перейти от старой нравственности к новой, как соединить существование бедности и богатства в потреблении благ цивилизации и гуманное отношение к природе, человеку.

Архиепископ КИРИЛЛ. Мы достаточно отчетливо можем сформулировать, что есть научно-технический прогресс. Даже с учетом экологических издержек представляется возможным найти правильные критерии. А как определить нравственный, духовный прогресс человечества? По-моему, исторически просто невозможно доказать его наличие. Например, после блестящего во многих отношениях XIX столетия, на духовном базисе которого люди ждали прекрасного XX века, «расцвели» фашизм, сталинские репрессии, взорвались атомные бомбы в Хиросиме и Нагасаки. Ожидания не оправдались. То есть исторически обосновать духовный прогресс человечества вряд ли удастся.

Есть большой соблазн и большая опасность верить в неизбежность прогресса. Эпоха Просвещения и промышленной революции выдвинула довольно примитивную модель равномерного поступательного общественного движения. Исходя из нее и сейчас говорят: ничего страшного в области экологии нет, ибо разовьется наука, выйдет на новый виток и решит кризисные вопросы. Ничего страшного нет и в перенаселении планеты — обживем океан, космос, будем питаться водорослями или еще чем-то. Но при этом забывают, что XX век уже перечеркнул старую модель. Он показал, что вера в возможность решения всех вопросов лишь с помощью научно-технического прогресса наивна. Поступательного равномерного восхождения не существует. Более того, верить в это не просто сложно, но и опасно.

Однако, по-моему, есть область, где мы можем выразиться более определенно, найти какое-то движение, — это прогресс личности, прогресс индивидуальный. Именно на данный срез проблемы, на личностное измерение мы должны обратить особое внимание при формулировке понятия «прогресс». В противном случае мы потеряем всякие жизненные ориентиры.

А. Г. ВИШНЕВСКИЙ. Я поддерживаю призыв к нравственности, нравственному отношению к жизни, своему долгу и призванию. Но все же как соединить практическое решение острейших мировых проблем с движением к новой (или старой!) нравственности, как совместить высокий духов-

ный порыв с оправданной жаждой прорыва в материальное благополучие, накопившейся у миллиардов людей? Движение вперед, к новому нельзя оценивать однозначно как переход от худшего к лучшему во всем. В то же время вряд ли целесообразно вообще отрешиваться и от оценочного понимания прогресса за рамками нравственности, от того или иного отношения к общественным сдвигам с точки зрения изменения положения личности в обществе. По-моему, современный человек в целом становится все-таки более свободным, чем люди прошлых поколений, и в этом просматривается определенный прогресс.

И. Т. ФРОЛОВ. Сегодня резко меняется само понимание прогресса. Если раньше с ним связывали в основном интенсивное развитие производительных сил и сферы технологии, совершенствование классовой структуры и планового управления обществом, то теперь акцент делается на процессах, непосредственно затрагивающих развитие каждого человека, его способностей и потенций. Прогресс, его критерии невозможно в наше время определять без ответа на вопрос, становится ли лучше или хуже человеку в результате того или иного социального и научно-технического развития. Мерой прогресса выступает возможность реализации сущностных сил человека, а значит, и степень его свободы, нравственного совершенствования, личностного развития, продвижение общества по пути разума и гуманизма.

Разумеется, в «чистом виде» однолинейного прогресса не было в прошлом, не будет и в следующем столетии. Он сопровождается определенными деформациями или даже регрессом в некоторых направлениях. Как жизнь и смерть связаны друг с другом, так и прогресс во всеобщем значении и в конкретных применениях, будь то к живой природе или к обществу, человечеству, неотделим в известной мере от регресса. Учитывая данное положение, необходимо найти более точное определение прогресса. Оно должно соответствовать современной стадии развития человечества и включать в себя общечеловеческие критерии и ценности.

А. А. ГАЛКИН. Прогресс мы характеризовали в основном в морально-нравственном аспекте. Видимо, следует остановиться и на общественно-политическом срезе проблемы. И здесь возникает ряд вопросов, отнюдь не академических. Существует ли общественный прогресс вообще как форма развития общества? Можем ли мы предсказать, хотя бы в общих чертах, формы и пути его поступательного продвижения? Имеем ли мы возможность целенаправленными действиями формировать, приближать, видоизменять общественный прогресс? Человек, воспитанный на ценностях Возрождения и Просвещения, отвечает на эти вопросы в конце концов положительно.

В то же время нельзя не задуматься над тем, почему эта проблема вновь и вновь встает перед нами как дискуссионная. Причем в условиях, когда вроде бы вся существующая система образования и формирования научного мировоззрения направлена на выработку соответствующего отношения, подхода исследователя к созданию теоретико-методологической базы развертывания практических действий. Все дело, видимо, в том, что в конкретной политике было совершено много ошибок, отчасти даже преступных действий по отношению к человеку. Данное обстоятельство и подталкивает к пессимистическим выводам.

Вместе с тем, размышляя над этой проблемой, приходишь к выводу, что мы слишком нормативно анализировали до сих пор факторы и условия,

механизмы эволюции общественного прогресса. В развитии общества мы фиксировали преимущественно нечто, что согласуется с нашими представлениями о будущем — желаемом, и не видели реально происходящих событий. Например, на уровне общей теории исторического материализма подчеркивалась противоречивость истории человечества, общественного прогресса, в конкретном же рассмотрении реальных общественных явлений терялась живая ткань действительности.

В нашей концепции обоснованно ставится вопрос о единстве мира, общности судьбы человечества, об усилении интернационализации различных сфер общественной жизни (экономической, политической, культурной) и нарастающем стремлении к всеобщему миру, созданию единого общечеловеческого организма. Однако в ней мало обращается внимания на особенность сегодняшней ситуации, заключающейся в том, что движение к всеобщности вызывает непрерывное разнообразное сопротивление. К тому же, чем сильнее движение к всеобщности, интернационализации, тем сильнее сопротивление. И это не просто коварный заговор каких-то реакционных сил, как полагают иные ревнители прогресса, демонизирующие историю и общественные отношения, пытающиеся, если что-либо не ладится, обязательно найти «страшного» противника, который является-де разрушительной причиной. Нет, это естественный объективный процесс, это повсеместная обратная реакция, выражающаяся в стремлении замкнуться, обособиться, отделиться от мира с целью самосохранения, обеспечения своей самостоятельности. При этом, конечно, сообщество, пытающееся замкнуться, теряет гораздо больше, чем сохраняет. Но осознание данного факта приходит не сразу.

Если мы будем оставаться на позиции нормативного подхода к общественному процессу, то не увидим реальных противоречий, с которыми нам придется столкнуться в будущем. Возьмите проблему национальных отношений. Сейчас разрастание в нашем обществе национальных конфликтов справедливо увязывается с нерешенностью социальных проблем. Все это верно. Но важно иметь в виду и другое. Обострение национального чувства, национальное сопротивление интернационализации есть глобальное явление, присущее сегодня любому обществу. Оно связано, в частности, с качественно новым движением огромных людских масс, инациональных потоков, обусловленным современным размещением производительных сил.

Происходит перемещение людей не только между отдельными странами, но и внутри страны. Перемещаются промышленные центры. В результате возникают районы бедствий и районы процветания, что неизбежно сказывается на судьбах людей. Ибо меняется структура занятости населения, профессионально-квалификационный уровень работников, условия труда, жизни. В одних регионах люди остаются без работы, в других — ощущается острая нехватка рабочей силы. Люди выбиваются из привычных структур жизнедеятельности. К тому же болезненное восприятие подобных изменений подпитывается угрозой нарастания экологического перенапряжения отдельных территорий. Все это порождает настроения антииндустриализма, вызывает национальный эгоизм, становится серьезным тормозом на пути развития и нашей страны, и человеческого сообщества как целостного образования.

Д. И. ВАЛЕНТЕЙ. По-моему, мы совершаем ошибку, когда рассматриваем проблемы цивилизации глазами европейцев, когда ведем речь о человечестве лишь с европейской точки зрения. Так и возникают, в частности,

понятия больших и малых, цивилизованных и неразвитых народов и культур. Но что это такое — удовлетворительно объяснить не можем, особенно если речь идет об интересах народов, о приоритете тех или иных «малых» и «больших» народов в рамках единого государства.

В Программе КПСС говорится о необходимости поиска своеобразного интернационального механизма, который бы позволил находить оптимальное соотношение интересов национальных, государственных с интересами общечеловеческими. Но ведь национальные и государственные интересы даже в отношении к общечеловеческим — это не одно и то же. Последние события в стране убедительно показывают, что они часто и во многом не совпадают. Следовательно, нам необходимо скорректировать свои взгляды, предусмотреть данное обстоятельство в своей практической деятельности. Причем мы должны исходить из того, что проблема эта отнюдь не нова, учитывая историю нашего многонационального государства. В современных поисках нелишним будет присмотреться к предыдущему опыту, обратить внимание на труды ученых, общественных деятелей, представителей культуры дооктябрьского периода развития страны. И конечно, ни в коем случае нельзя социальные, национальные и демографические проблемы (особенно последние) рассматривать изолированно, вне их взаимосвязи, а также вне контекста изменения религиозного сознания в различных районах страны.

Э. А. АРАБ-ОГЛЫ. Осмысливая перспективы человека и человечества, мы не можем обойти молчанием положение классиков марксизма-ленинизма о том, что целью социализма является, в частности, преодоление как раздробленности мирового сообщества на мелкие замкнутые государства, так и всякой обособленности наций, не только сближение наций, но и их слияние. И это не случайное высказывание основоположников марксистской философской традиции. Оно — часть общей разработанной ими концепции исторического процесса.

Вновь обратиться к этому четко выраженному положению марксизма заставляет не то, что национализм, национальное движение стали мощной силой, с которой приходится считаться в XX веке и которую нельзя сбрасывать со счетов в следующем столетии. Необходимость для нас еще раз обратиться к его методологическому содержанию вызвана главным образом опасностью новой вульгаризации этого положения в условиях зарождающегося качественно своеобразного гуманистического мышления нашего времени. Ибо до сих пор не разрушено представление, господствовавшее в прошлом, о слиянии наций как процессе непосредственного исчезновения самих наций и преобразования человечества в нечто усредненное, когда все люди, по существу, будут представителями какого-то одного этноса, говорить на едином для всего земного шара языке и иметь даже нечто суммарное в своем облике — что-то подобное «раскосым мулатам».

Сегодня с уверенностью можно сказать, что в обозримом будущем такого не произойдет. Вряд ли вообще такое возможно. Следовательно, это не только утопическая идея для следующего столетия, но и не подлинный идеал всего человечества в перспективе.

Конечно, разворачивается процесс экономической, социальной, культурной интеграции человечества. Оно как бы сливается в нечто единое, выражающееся в укреплении общности людских судеб, формировании элементов духовной общности, создании единой цивилизации. Но при этом

остается многообразие, неповторимость тесно связанных между собой, не существующих друг без друга наций. То есть нация сохраняется в качестве, не отрицающем единство человечества. Развитие нации и человечества — не расходящиеся, взаимоисключающие процессы, а наоборот, подкрепляющие друг друга движения. По-моему, именно на этом необходимо делать акцент как в абстрактных рассуждениях, так и в практических действиях.

Но существует еще один сдерживающий фактор слияния наций — многообразие языков. Образование единого языка через вытеснение, подавление национальных с целью лучшего взаимопонимания людей сопровождалось бы колоссальными потерями. Единый язык не в состоянии воплотить в себе все многообразное богатство национальных языков в многомерном отражении действительности. Неизбежны утраты. Он не способен унифицированно передать новым поколениям разнообразие культурного наследия человечества как результата деятельности многочисленных народов, прошедших уникальный тысячелетний путь развития.

Таким образом, мы еще раз должны осмыслить некоторые основные положения марксизма. Не просто их отбросить, перечеркнуть, а как бы перевести из разряда, где они могут восприниматься или вульгарно или утопически, в разряд положений, которые являются реалистическими и научными применительно к новым условиям, новому мышлению.

В. А. ЛЕКТОРСКИЙ. Наверное, невозможно представить тревожащую нас внутреннюю ситуацию, пути выхода из нее и дальнейшего движения, не учитывая процессы, происходящие в мире в целом. Ведь глобальные проблемы, вопросы национальных отношений, проблема человека, его духовного развития стоят не только перед нашей страной, а и перед человечеством как единым сообществом людей. И, видимо, нельзя решать их также в полной мере, не вписываясь в более широкий контекст острых проблем, уходящих своими корнями в прошлое, и тех, которые можно назвать проблемами новой техногенной и технологической цивилизации в целом.

Это проблемы фундаментальные, философские. Например, что такое прогресс, какова его цена, что такое человечество, технологическая цивилизация, ее возможности и границы развития, что представляет собой новое мышление? Вопросы действительно не простые. И хотя кое-что сделано, даже многое сделано в их осмыслении, мы все же находимся в начальной стадии понимания, не говоря уже о том, что очень многое нужно принять для того, чтобы научные знания стали достоянием широких масс. Иначе не будет выхода из сложных противоречий жизни нашего общества, может быть, человечества в целом.

Состоявшееся обсуждение привело еще к одному очень важному выводу. Рассуждая о том, какой будет человеческая цивилизация в третьем тысячелетии, совершенно недостаточно пытаться строить модель путем простой экстраполяции того, что было, есть сейчас. Прямая экстраполяция невозможна. Нужно не просто продолжать то, что есть, а ломать не устраивающие нас вещи. Поэтому мы говорили не столько о будущем, сколько о настоящем. Не будет нового в настоящем, не решим проблемы сегодняшние — не будет никакого третьего тысячелетия развития человечества. ♦